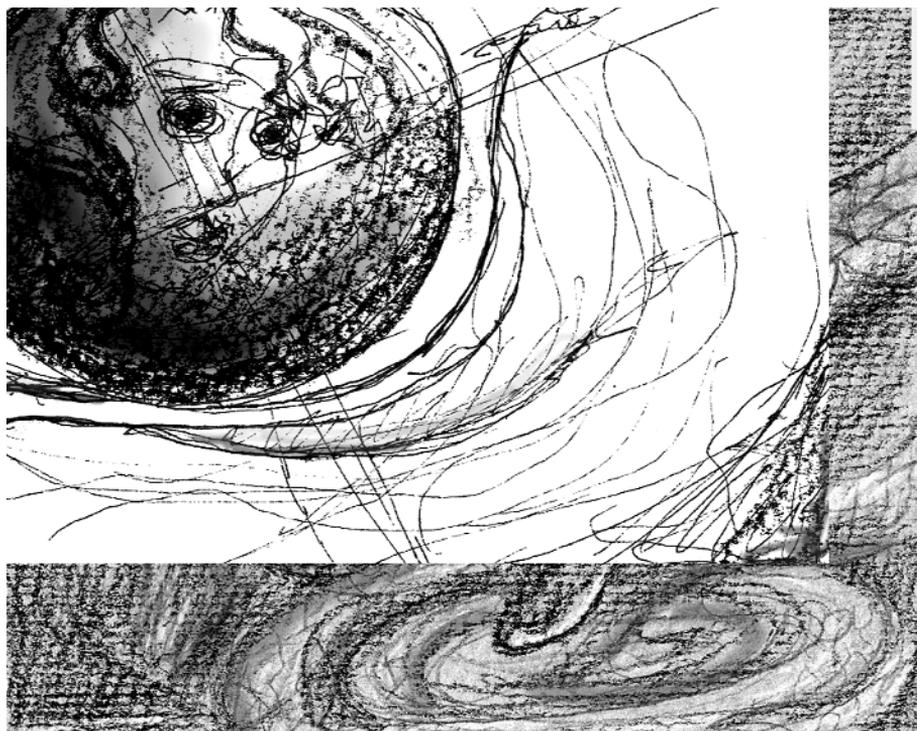

Андрей Буторин

Желтый аспид

Кто сказал, что путешествия во времени безопасны? Никто не говорил.

Даже если перемещаться только вдоль оси времени, и то неизвестно, что окажется в этой точке пространства тридцать веков назад. А триста? А три тысячи? Кажется бы, это достаточно просто рассчитать. Не тут-то было! Надо учитывать столько факторов, что все равно чего-нибудь упустишь. Да и надо ли? Ведь потом придется лететь к Земле, которая может оказаться к тому времени за сотни парсеков. Точнее — была там, если речь идет о путешествии в прошлое.

Поэтому и приходится двигаться сразу по временной и пространственной осям, оставаясь, по сути, в одной и той же точке относительно земной системы координат. Но это в идеале. На самом деле перемещения в пространстве все равно неизбежны, особенно если речь идет о десятках и сотнях веков. Ведь энергия для такой «привязки» берется от магнитного поля Земли, а оно крайне неустойчиво и непосто-

янно. Меняются полюса, «скачет» напряженность поля. За века с ним происходит многое. В этом и заключается главная опасность. «Потеряв» направление силовых линий, процесс хронтования становится неуправляемым, и хорошо если капсула просто «вывалится» не в том месте и времени, но бывает куда хуже. Вот, как сейчас.

Лан понял, что авария неминуема, сразу, еще до сигнала тревоги, как только генератор начал «фонить». Распыленные в атмосфере хронтоны создали эффект белых ночей в достаточно низких для этого широтах в середине первой декады июля. Одна тысяча девятьсот восьмого года. Так показывал хроносчетчик. Внешний. Четвертое, третье, второе июля... Ночи все светлее и светлее. Первого числа Лан дожидаться не стал и катапультировался. Успел вовремя, хотя это было не так-то просто. Внутренний хроносчетчик отсчитывал не сутки, а миллисекунды, хотя для хроногенератора сейчас они были равны.

Первого июля Лан находился еще слишком близко от капсулы и, в ожидании взрыва, успел лишь проститься с жизнью. Очень коротко, почти односложно. Но генератор взорвался тридцатого июня, и Лан уцелел.

Уцелеть от взрыва — это еще не все. Теперь, без капсулы, а значит и без ее хроногенератора, нужно было «затормозить» во времени, потому что инерция продолжала нести Лана в прошлое. И такой полет вне капсулы мог закончиться очень плачевно — тем же распылением на хронтоны, только теперь уже самого Лана.

У хрононавтов имелся аварийный генератор торможения. Был он и у Лана. Но одно дело тормозить уже на подлете к цели, когда скорость достаточно мала, и совсем другое — почти в середине пути. До намеченной цели Лану оставалось больше двухсот веков, поэтому скорость была что ни на есть крейсерской. И энергии аккумуляторов для полного торможения, конечно же, не хватило. Пришлось расходовать свою собственную энергию. И вот ее, к счастью, оказалось для торможения достаточно. Но, увы, не с избытком. Только-только. Жалкого остатка хватило лишь на поддержание мыслительных процессов в самом примитивном теле — даже без конечностей. Лан представлял сейчас из себя десятимиллиметровый в диаметре жгутик длиной шестьсот пятьдесят миллиметров. Разумеется, пластиковый, поскольку Лан был пластофором.

Лан довольно быстро пришел в себя, оценил ситуацию и понял, что дела его никуда не годятся. Пожалуй, лучше бы ему было не катапультироваться. В нынешнем состоянии он мог протянуть от силы неделю. И то если не шевелиться. О том же, чтобы передать аварийную хронограмму, не могло быть и речи.

Впрочем, все пока казалось поправимым. Двигаться Лан мог, стало быть оставалось одно — найти источник пополнения энергии и

строительного материала для более приемлемого тела. И тем, и другим для Лана, как и для прочих пластофоров, был, разумеется, пластик.

Плохо, что Лан почти не помнил реалий века, куда его сейчас выбросило. Он даже не знал, в какой именно год попал. Прикинув «на глазок», Лан пришел к выводу, что сейчас примерно середина девятнадцатого века. Плюс-минус десять лет. Конечно, как любой хрононавт, Лан углубленно изучал историю, но нельзя объять необъятное! Тем более, специализировался он по куда более ранним векам. И все же, напрягши память, Лан вспомнил, что примерно в это время пластмасса уже вошла в обиход. Правда, сказать, сколько именно десятилетий, а уж, тем более, лет составляет это «примерно», он, к сожалению, не мог. Но отчаиваться все же не стал.

Для начала Лан огляделся. Березовая рощица, ручеек, травка, желтая пыльная дорога наискосок через луг. Дорога ведет к маленьким темным домикам. Впрочем, есть и большие постройки. Целых две. Одна приземистая, другая высокая. Обе — белого цвета. Причем вторая — с крестообразной конструкцией на крыше, что вселило в сознание Лана оптимизм. Если это антенна, то с хронологией он не ошибся, и здесь уже должны быть знакомы с пластмассой.

Лан подумал, что ему лучше предпринять: двигаться к селению, или дожидаться, пока кто-нибудь прибудет сюда? Раз есть дорога — значит по ней ездят. Или, как минимум, ходят. Но как часто? Пока еще, за те четырнадцать минут, что Лан находился тут, ничто не потревожило дорожную пыль. Но ползти самому — а до ближайшего здания было километра два с половиной, — это тратить столь дефицитную в его положении энергию.

И Лан решил подождать. Сорок шесть минут. Но для начала он переполз на обочину дороги, а чтобы не выделяться на ее желтоватом фоне, пожелтел и сам. Теперь его можно было увидеть, лишь подойдя вплотную.

Заняв новую позицию, Лан снова огляделся. К сожалению, для экономии все той же энергии, пришлось отказаться от универсального зрения, так что изменить фокусное расстояние хрусталиков он не мог. Но и обычного оказалось достаточно, чтобы заметить светлое пятнышко, отделившееся от приземистого белого здания и двигающееся вдоль дороги. Когда пятнышко стало больше, Лан понял, что это клубы пыли, развевающиеся за повозкой, которую тянула пара крупных животных, судя по всему, лошадей. Вскоре стало возможным разглядеть и людей, сидящих в повозке. Их было двое, мужчина и женщина. Лан собрался. Сейчас все зависело от того, хватит ли ему энергии на то, чтобы прыгнуть, ворваться в ротовую полость человека, пробить небную перегородку и проникнуть в мозг. Должно было хватить. Нужно, чтобы хватило! Придется отказаться от подключения ко всей памяти этого человека и ограничиться лишь знанием языка и контролем над двигательными функциями тела. Конечно,

причинять вред человеку — это преступление, но иного выхода не было. К тому же, уверял внутреннего самообвинителя Лан, вред будет минимальным и временным. Всего лишь до тех пор, пока он не пополнит запасы энергии. Тогда он компенсирует все повреждения, нанесенные человеку, сполна — еще и подлечит его, произведет полную очистку организма, заменит изношенные органы на практически вечные пластиковые аналоги.

Мирон смотрел вслед удаляющейся бричке и плакал. Слез он давно не стеснялся, да и кому интересны слезы крепостного? От него требуется одно — работать. Пахать, сеять, жать — тянуть крестьянскую лямку. А плачешь ты при этом или смеешься — без разницы. Даже лучше, когда плачешь; смех крепостных барину не по нраву. Раз смеешься — стало быть не в полную силу работаешь.

Но теперь уж смеяться и подавно не с чего. Единственную радость барин увез — дочку, Марфушку. Проигрался старый пьяница в карты, все деньги спустил. Поставил на кон Марфушку — и ту проиграл! Одна надежда, что у нового барина Марфушке лучше будет. Тот хоть молодой, сорок всего, да и не пьет сильно вроде. А там — кто его знает? Баре — они и есть баре. Что молодой, что старый. Для них крепостные — не люди.

Конечно, в глубине души Мирон понимал, что жалуется на барина зря. Ну, грешен, — выпить любит, игрок заядлый. Так кто сейчас без греха? Зато крестьян все же Никодим Пантелеймоныч жалеет. Пороть — порет, но до смерти никого еще не забил. А как без порки-то? Тоже нельзя. Крестьянину — ему только волю дай!..

— Э-хе-хей, воля-волюшка, — всхлипнул Мирон еще раз, высморкался в дорожную пыль, да и повернулся, чтобы идти с барского двора восвояси. Вот ведь тоже — позволил Никодим Пантелеймоныч с дочкой проститься, до самой брички дал проводить! Другой бы дал? Разве что в глаз.

Мирон уже шагнул за ворота и не удержался, оглянулся еще вслед облачку пыли. Свел жесткие брови, прищурился. Померещилось, или впрямь пыль назад к селу стелется? Назад, не иначе. Лошадей уже видно. И бричку крытую. А вот и платок Марфин белеется! Стукнуло сердце Мирона, дернулось. А ну как раздумал барин ее отдавать?.. Да только навряд ли. Знать, забыл что-то.

Бричка, не доехав до ворот, остановилась. Мирон заметил, что правит лошаадьми Марфа. И увидел еще, что лицо дочери белое, как снег, глаза — что два пятака, и руки трясутся. Барин неловко спустился на землю и, качаясь, пошел к Мирону.

«Вот ведь, — подумал крестьянин, — только что вроде тверезым был, когда и успел нализаться? И Марфушку испужал, ирод! Там уж и пужать-то, поди, нечем, а все одново...»

Но пришел черед и самому Мирону пугаться. Голос Никодима Пантелеймоновича на пьяный никак не походил. Так ровно, будто по писанному, он и по трезвому делу не изъяснялся. А сказал такое, что и не в раз разберешь:

— Пластик есть? Любые изделия из пластмассы.

Мирон ничего не понял. Стал собирать из похожих обрывков слова. Лишь одно только и вышло. И то не очень, чтоб схоже...

— Псалтырь? Так то у дьякона, барин. У меня-то откель?

— У дьякона? Далеко?

— Так вон она, церква, — махнул Мирон в сторону купола с покосившимся крестом.

— Едем.

— Да я так дойду, барин, — испугался Мирон пуще прежнего. Не к добру это — в бричке с барином ездить! Но тот будто не слышал. Опять сказал, да так — точно камнем по лемеху:

— Едем!

Пришлось лезть за барином в бричку. Марфа напуганным взглядом стрельнула, в губах — ни кровиночки. Шепнула украдкой:

— Батюшка, напасть-то какая! Желтый аспид в барина прыгнул.

— Тихо-тихо!.. — одними губами, без голоса, пошевелил Мирон. — Услышит... Потом.

А сам призадумался. Что за аспид? Где он тут взялся, в их-то краях? И как это — в барина? В рот, что ли? В ухо?.. Уж не заговаривается ли Марфушка с горя?

Между тем доехали до церкви. Дьякон, Симеон, услышал, вышел. Барину поклонился, но не до земли, достойно.

— Храни тя господь, Никодим Пантелеймонович.

Барин лишь лоб из брички выставил. И опять:

— Пластик есть?

Симеону тоже «псалтырь» почуялся. Брови нахмурил, постоял, бороденкой повертел.

— Есть, — говорит. — Как не быть?

— Дай.

— Помолиться душа запросила? — скривился дьякон. — Так в церковь зайди. Не с лошадьми же псалтырь читать.

— Пластик там? — ткнул в открытую дверь барин.

— Там.

Посторонился Симеон, барина пропустил. Тот прошел — не качнулся. А Мирон, слава Богу, с дочкой остался, с глазу на глаз.

К Лану вернулась надежда. А поначалу он было отчаялся. Когда подключился к человеку в повозке и заговорил со вторым. Точнее, со второй, оказавшейся женщиной. Та ничего из его слов не понимала, не отвечала даже на примитивные вопросы, а только мелко вибрировала. Дома Лан почти не имел дела с людьми, лишь изучал их строение и физиологию, поэтому о том, что человек может молчать

от сильного испуга, он попросту не учел. Потом, правда, вспомнил, а скорей — догадался. По той же вибрации, называемой в этом языке «дрожью».

Женщина ничем не помогла Лану, разве что привезла к другому человеку, который хоть что-то внятное сумел сказать. Мало того, сказал, что в селении есть пластик. А ведь в сознании донора Лан этого понятия так и не нашел. Впрочем, это еще ни о чем не говорило: если пластмасса здесь только-только появилась, не все могли о ней знать. Но, как выяснилось, знали. Хоть и называли несколько иначе. Но тот человек, что показал ему, где имеется пластик, коверкал и другие слова. Судя по всему, образованность местного населения оставляла желать лучшего.

Лан прошел за человеком в черной одежде внутрь здания, называемого здесь «церковь». Или «церква», как назвал его другой житель. Ни то, ни другое название не находило ассоциаций в родном языке Лана. Что ж, многие понятия попросту прекратили свое существование за триста веков. Скорее всего, в этом здании находился какой-то центр связи. А раз так — пластик здесь должен быть.

Лан огляделся вокруг. На стенах и под круглым полушарием потолка — изображения. На всех — люди, люди, люди. В длинных, красивых одеждах, со странными кольцами вокруг голов. Может, это древние устройства связи — ментоны? Когда их изобрели — в двадцать девятом или девятнадцатом веке? Да не все ли равно...

— Что же ты, Никодим Пантелеймонович, и лба не перекрестишь? — прервал размышления Лана человек в черном.

— Лба? — переспросил Лан. «Лоб», «крестить» — такие понятия в его лексиконе были. Но в ясную картину предлагаемое действие у него так и не складывалось, и он переспросил: — Зачем крестить лоб? — Но, поскольку больше его интересовал другой вопрос, он задал и его: — Ты нашел пластик?

— Псалтырь вот, — показал человек в черной одежде темный кирпичик, зажатый в руке. — Но зачем он тому, кто в храме не крестится?

— Мне не надо креститься. Мне нужен пластик. Для пополнения запасов энергии и самовосстановления. Дай мне его! — Лан вытянул руку. Но еще не дотронувшись до цели, понял уже, что это не пластик. Целлюлоза, кожа, прочие органические вещества животного и растительного происхождения. И ни миллиграмма пластмассы!

— Это не пластик, — сказал Лан, опуская руку.

— Да ты никак пьян, Никодим Пантелеймонович? — нахмурился человек в черном. — Или болен... Нельзя так с собой поступать в шестьдесят-то годков. О душе пора думать. О вечном.

«Что он может знать о вечности?» — удивился Лан. Впрочем, вечность его сейчас мало интересовала. Энергия расходовалась быстрее, чем он рассчитывал. Тело донора и впрямь оказалось слишком большим и дряхлым. Пластик был необходим срочно! Лан стал вспоми-

нать, где еще в этом веке могла применяться пластмасса? Эх, если бы знать, что его сюда забросит судьба! Всего лишь пару секунд и нужно было потратить на закачку нужной информации. И то, на саму закачку — куда меньше; основное время ушло бы на поиск и фильтрацию данных. Но сожалеть поздно, надо постараться вспомнить хоть что-то...

Но то, что вспоминал Лан, напрочь отсутствовало в лексиконе донора. Телевидение, кибернетика, информатика — пусто, пусто, пусто... Может, для сельской местности нужны более простые понятия? Например, телефон... Опять пусто! А если попроще — мобильная связь, связываться, звонить... Есть! И «связываться», и «звонить»!

— Звонить! — почти выкрикнул Лан. — У тебя есть то, чем звонить?!

— Есть, — вздохнул человек в черном. — Допился ты, Пантелеймоныч. Как есть, допился!..

— Мне не надо пить! — взмолился Лан. — Пойдем звонить!

— Эх, твои бы слова — да Богу в уши, — снова вздохнул человек. — Ну да ладно, звонить — так звонить. Это Богу угодно.

Человек поманил за собой Лана, вышел из здания, проследовал к высокой пристройке, зашел внутрь и стал подниматься по лестнице с каменными ступенями. Лан едва поспевал за ним — ноги донора едва шевелились, силы буквально таяли. Их едва хватило на то, чтобы подняться все-таки на открытую с четырех сторон площадку, под потолком которой висело пять темных неправильных конусов — скорее, параболоидов — разных размеров.

Человек в черной одежде взялся за веревки, свешивающиеся из центров параболоидов, и сильно дернул одну из них. Раздался громкий, отдавшийся вибрацией в теле звук. Человек потянул за другую веревку и вызвал еще один звук, более резкий. Потом еще один, еще и еще. От гулкого звона у Лана заложило уши. Но ему уже было все равно. Он видел, что пластика нету и здесь. Только камень — стены здания; дерево — потолок; растительная органика — веревки; и металл — звенящие параболоиды.

Лан почувствовал, как очередная вибрация, вызванная звуком самого большого конуса, отозвалась острой болью в груди донора. А потом остановилось сердце. Падая на каменный пол, Лан с грустью успел констатировать: «Мир погибшего пластофора...»

Уездный врач, Семен Ильич Ферापонтов, скучал. Ему был откровенно мерзок этот пыльный заштатный городок после великолепия Петербурга. Стоило ли учиться столько лет, тратить силы, нервы и маменькины деньги, чтобы в результате зашивать пьяницам порванные в драках морды и вскрывать чирьи на задницах местных «матрон»?.. Впору и самому спиться.

Хотелось чего-то нового, интересного, необычного. Да где его взять? Впрочем, что там говорил Тимошка?.. Привезли с утра тело по-

койного помещика. Как его?.. Шашек... Сашек... Сушик?.. Да-да, именно Сушик! Тимошка еще что-то такое выдал: дескать, сухой весь, подстать фамилии, будто из него все соки выпили. И еще что-то брякнул нелепое — мол, крепостные сказывают, якобы видели, как в барина змеюка залезла. Аспид. Желтый аспид. Вот ведь фантазия у нынешних крестьян! А что, крестьяне — тоже люди; уж кому и знать о том, как не ему, врачу. Что барин, что крепостной — те же печень с селезенкой внутри, тот же, пардон за вульгарите, ливер. Кстати, о ливере и сухости — вот уж и впрямь каламбур! — Сушика... А что, если на самом деле, так сказать, аспид?.. Образно выражаясь, конечно. А если по-простому — обычный солитер? Правда, никто бы не смог увидеть, как он в этого Сушика... г-мм... влезает... Но, тем не менее, это версия. А что? Делать-то все равно нечего, проверить разве что?..

Семен Ильич спустился в прозекторскую. Надел поверх халата закорузлый кожаный фартук, велел Тимошке ассистировать. Сбросил несвежую, в тошнотворных пятнах, простыню с тела покойного, размял пальцы, кивнул:

— Ну-с!..

Солитера не оказалось. А ткани и впрямь были сильно обезвоженными. И, если можно так выразиться, обезжиренными.

Семен Ильич хмыкнул:

— И где же, так сказать, твой аспид?

— Чего это он мой? — обиделся Тимошка. — Это мужик, что труп привез, сказывал, будто дочка его видела, как змеюка желтая в рот барину заползла.

— В рот, говоришь? А ну-ткать... — Ферапонтов раздвинул челюсти трупа, заглянул в рот. — Ого!.. Ну-ка, подай пилочку, голубчик. Что-то у него, болезного, и впрямь там не того-с...

Сделав трепанацию и раздвинув серые морщинистые полушария, доктор только крикнул. Из центра головного мозга покойного, погрузившись наполовину в спинной, тянулось что-то желтое, толщиной в полдюйма. Ферапонтов подцепил щипцами «новообразование», вытянул и снова крикнул — перед ним, зажатая в жвалах щипцов, и впрямь висела змея. Желтая, длинная, почти в аршин длиной. Черные маленькие глазки тускло поблескивали на сплюснутой голове, тонкая щелочка рта, казалось, изображала злобную ухмылку.

— Какая гадость! — скривился Семен Ильич.

— Аспид!.. — мелко и быстро закрестился Тимошка.

— Да уж... — покачал головой доктор. — Вот и не верь после этого людям-с!..

Он бросил змеюку на стол, рядом с трупом. Взял скальпель, вонзил в желтое тельце. То есть, попытался вонзить — лезвие лишь скользнуло по шкуре, но разрезать ее не смогло. Ферапонтов попробовал еще

— с тем же результатом. Он широко зевнул, отбросил скальпель и стянул фартук.

— Брось-ка эту гадость в печь, голубчик, — сказал он Тимошке и пошел мыть руки.

Санитар втянул ладонь в рукав халата и брезгливо, через ткань, взял змеиную тушку. Прошел в соседнее помещение, где в углу весело потрескивала поленьями печь-«голландка». Открыл чугунную дверцу, швырнул в огонь аспида и стал наблюдать. Желтое тельце загорелось не сразу. Зато, когда пламя распробовало новое угощение, из печного зева повалил такой едкий дым, что Тимошка раскашлялся и спешно захлопнул дверцу.

— Аспид — он аспид и есть, — откашлявшись, буркнул санитар. — Начадил-то, начадил, идолище поганое!..

Шел одна тысяча восемьсот пятьдесят шестой год. Англичанин Паркес получил новое вещество — целлулоид.

Об авторе

Буторин Андрей Русланович родился 6 апреля 1962 года в городе Мончегорске Мурманской области. В 1985 году закончил Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работает ведущим специалистом ООО «ИнформКолаСервис» (информационные технологии).

Живет в городе Мончегорске. Фантастику начал писать с конца 90-х годов. Опубликованы 20 рассказов в журналах «Звездная дорога» (Красногорск), «Техника-молодежи» «Черный квадрат» (Великобритания), «Уральский Следопыт» (Екатеринбург), «Норильский Никель» (Москва), «Я» (Нью-Йорк, США), «Свой круг» (Монреаль, Канада), «OPEN!» (Москва), «Юный техник», литературном приложении «Знание-сила: Фантастика».

Изданные повести: «Ракушка» (Сборник «Фантастика. Конкурс «Научная фантастика для детей и подростков». Осень 2004», Издательство «Социально-политическая мысль» (Москва), 2005 г.); «Письмо в никуда» (Издательство «Амадеус» (Москва), № 9 (23), 2006 г.); «В одну реку трижды...» («Амадеус», № 18 (32), 2006 г.); «Перепутанные души» («Амадеус», № 24 (38), 2006 г.); «Имя для нерожденной» («Амадеус», № 29 (43), 2006 г.).

Изданные романы: «Работа над ошибками (Puzzle)» (Издательство «АСТ» – «Сталкер» (Донецк), 2004 г.); «Наследница престола» («Издательство Альфа-книга» (Москва), 2005 г.); «За краем земли и неба» (Издательство «АСТ» – «Сталкер» (Донецк), 2007 г.); «Чудес не бывает» (Издательство «Мир книги», 2007 г.). На московском фестивале фантастики «Серебряная стрела» («Сильверкон») в феврале 2008 года роман «За краем земли и неба» (Издательство «АСТ») победил в номинации «Лучшая любовная линия».

Автор награжден медалью 2-й степени Ордена Серебряной стрелы.